

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Warszawa

Демифологизация и мифотворчество в современном русском публицистическом дискурсе

День насыщенный публицистического слова начинается здесь с гласности – возвращенному праву говорить своим голосом. Сказанное проявляется, между прочим, равно в формальной, как и в содержательной полифоничности новорожденного дискурса. Одна из категорий интерпретации прошлого, но и актуального – это миф. Он удобен, ибо „стягивает действительное многообразие к схеме, к однозначной зависимости”¹.

Социально-политические мифы, о которых говорится в данном тексте, можно считать отражением извечных чаяний, несбываемых надежд человеческого существа, жаждущего обитания не только в мире профанум. Сказанное относится к генезису еще античного мифа, но является основой и современного социального мифотворчества, которое на любой, в том числе – на русской национальной почве – обусловлено спецификой исполненного иллюзий и мечтаний менталитета.

Многозначное понятие „миф” я за М. Элиаде понимаю как „своеобразный вымысел, иллюзию”². Для смысла данных рассуждений существенно также одно из значений мифа обособленного Рудневым, который считает, что он есть „особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное”³.

Общеизвестно, что генезис мифов, в том числе – современных – связан с действительным опытом прошлого, причем сознанием человека овладевает бессознательное, которое, согласно Юнгу, и состоит из мифов. Вместе с тем уже давно известно, что наука не в силах решить многочисленные вопросы, волнующие человека испокон веков: о его месте в мире, о смысле жизни, о таинственных судьбоносных силах, об исконной зависимости от власти и т.д. и т.п.

¹ П.С. Гуревич, *Философская антропология*, Москва 1997.

² М. Элиаде, *Сакрум. Миф. История*, Москва 2000, с. 9.

³ За: В.П. Руднев, *Словарь культуры XX века*, Москва 1999, с. 170.

Хотя бы по вышеизложенным причинам, сегодня мифы явятся как живая этнолингвистическая категория. В российском же публицистическом дискурсе преобладают мифы, отображающие извечную веру и надежду россиян на лучший мир, который заменит тот уходящий, порочный и бесконечно демифологизированный в публицистическом дискурсе. Таким образом, новые мифы вкупе с развенчанными, сглаживают экзистенциальные травмы. Они повествуют о разумных владыках, которые прекратят человеческие страдания и поспособствуют благополучию „страны Лимонии, где растут лимоны [...], где текут молочные реки с кисельными берегами”⁴.

Семантику термина „миф” уточняет А. Лосев: „В мифе содержится модель для ряда предприятий, подвигов, удач или неудач, действия или бездействия в условиях бесконечного разнообразия в отношениях к окружающему миру”⁵.

В российском социо-культурном пространстве миф объясняет также смысл зависимости от власти преобладающих, необходимости мириться, подчиняться, слушаться, надеясь на вознаграждение в очередном мифическом *светлом будущем*. Миф остается надежным средством интерпретации, кипящей страстями и непредсказуемостью жизни нашего времени. Это бесконечные завихрения, бушующие эмоции, исполненные недоумения поиски смысла, социальные катаклизмы, а также упорные и лихорадочные попытки найти свое место под солнцем.

В первое перестроечное время упорно распространяются мифы удачи и возрождения. Примеры: *Все мы являемся участницами захватывающей картины реальности, которая после долгого сна открывается нам во всей полноте* („Огонек” 1987, № 5). Или: *Демократия – благо не только для экономики. Это самостоятельная социальная ценность* („Огонек” 1988, № 33). И еще: *Сегодня мы восстанавливаем правду, демократизм, создаем механизм, при котором не повторяются трагические ошибки* („Огонек” 1988, № 39).

Полезно напомнить, что властвующим легче манипулировать общественным сознанием, если оно мифологизировано. В таком благосклонном климате реальной становится возможность внедрения и своих „владыческих” мифологем, которые, став элементом коллективного бессознательного, приводят посредственно к тому, что растерянный человек уже не понимает где истина, а где ложь.

⁴ Вл. Войнович, *Сказочки о пароходе*, „Неделя” 1990, № 23.

⁵ А. Лосев, *Проблема символа и реалистическое искусство*, Москва 1993, с. 128.

В России параллельно развенчиванию советских мифов, продолжается мифологический процесс принудительного осчастливливания, на этот раз – демократического. Целесообразно процитировать мнение А. Ципко: „Никто и нигде не был так поработан мифами, как наш народ в XX веке”⁶.

Итак, *поработанный* „мифами советский народ” был брошен в эпицентр „оздоровительной” перестройки, которая тоже оказалась мифологемой, отражающей богатый набор мифов, основанных на почве веры в возможность реформировать советскую модель социализма. Рядовые люди очнулись в ситуации тонущих, которым отказывают в спасательном круге. Данное „перестроечное” положение (полнейший хаос) выражено впечатляющим аллегорическим образом (где-то во второй половине 1990 года): „Штурман крутит компас вправо, рулевой вращает штурвал влево, впередсмотрящий глядит назад, кочегары подбрасывают уголь, [...] вахтенные заливают топку водой. Пассажиры [...] гребут в разные стороны [...]. А есть и такие, которые из собранного якобы на топку дерева, строят шлюпки. А есть даже и такие, которые [...] сигают за борт и пускаются вплавь [...], считая, что лучше потопнуть, чем плыть дальше на этом пароходе. Хоть в правильном, хоть в неправильном направлении”⁷.

Развенчивая мифы о духовной силе коммунистических идей, об их незыблемости, одновременно насаждаются мифы, на этот раз, о сугубо духовных ценностях, которые якобы вдруг возникли, став достоянием перестроечного, а также постперестроечного социума. Информация на эту тему неоднократно имеет имплицитный характер; постоянно передаются в СМИ сведения о многоликих, разумеется – настоящих, ценностях, обычно без определенного или расплывчатом денотате. К ним относят чаще всего ценности *абсолютные, незыблемые, непреходящие, общечеловеческие, вечные, духовные, христианские, гуманистические, демократические, цивилизационные, общепринятые, нравственные, причем их обрамляет номинация сверхценности*. Почти одновременно, в ранние девяностые годы, под влиянием текущих, и вместе с тем судьбоносных событий, проходит развенчивание „духовных мифов”, объясняя ущербность советского человека в перестроечное время, таким, например, образом: *духовное убожество, духовный беспредел, духовный маразм, духовное разрушение жестокостью, духовный инфантилизм (пересохших душ)*,

⁶ А. Ципко, *О зонах открытых для мысли*, НМ 1990, № 4.

⁷ А. Войнович, *op. cit.*

общее духовное обнищание. Безапелляционно-критический синтез демифологизации в названной сфере выражен так: В откупоренный вакуум российской духовности со страшным свистом втягивается дикость и бессовестность („Литературная газета” 10.01.1996).

Сначала застенчивое недоумение и воскресшие надежды, а потом очередное разочарование. Человек жаждет оздоровительных слов правды, хочет верить, что его истина, наконец, обретет плоть. Что жить станет, действительно *лучше*, действительно *веселее*. Притом, есть основания судить, что россиянам наряду с хлебом, необходима *духовная пища*, которая компенсировала бы *духовный разлад осиротевшей личности*, помогая выйти из *духовного инкубатора, лишаящего индивидуальности* („Литературная газета” 28.06.1997).

Итак, развенчивая мифы о *духовной силе коммунистических идей*, об их „злокачественности”, одновременно насаждаются мифы о новых духовных, ценностях, которые, якобы вдруг возникли и стали достоянием перестроечного, а также постперестроечного общества.

Не только время, но и ментальность диктует содержание нового мифа выбора судьбы, который проходит красной нитью, пронизывая публицистический дискурс, начиная с 90-х лет XX столетия. Появляются высказывания типа: *Сегодня требуют от нас ежедневно выбора и проверяют этот выбор „не отходя от кассы”*. Или: миф о ваучере, *который решит больше проблем, чем создаст, хотя, якобы делает возможным и общедоступным выбор* („Московские новости” 15.12.1992). И еще, с иронией: *Выбирайте свой путь! Дорога в бизнес открыта всем!* („Независимая газета” 15.04.1993).

Подобные требования и ожидания становятся просто назойливыми, даже неуместными, в годы насаждения рынка человеку с нерыночной ментальностью. В том же роковом 1993 г. окончательно покинули социум надежды, связанные с мифом о чудесном воздействии *невидимой руки рынка*. Под давлением действительности рухнули надежды на *социально ориентированный, человеческий способ перехода к рынку*. Процесс демифологизации отображен в таких, например, словосочетаниях: *золотушный рынок, агрессивный рынок, дикий рынок, хищнический рынок, безжалостный рынок*. Перифрастические образования 1993–1994 гг: *Этот стон у нас рынком зовется; детская болезнь увлечения рынком, светлое рыночное будущее* – свидетельство еще и константности национального сознания, питающегося мечтательством и иллюзиями, склонного подвергаться и мифологизации, и демифологизации, что можно

объяснить конкретными особенностями национального менталитета: *Вразумленные бесконечными дефицитами, мы поверили в правду рыночных реформ, которые оказались мифом* („Новый мир” 1989, № 11). Целесообразно сосредоточить внимание на тех вербальных конструкциях, которые в иронической конвенции представляют вериги российского мифотворчества. Итак, „дорога к рынку” обрамлена ореолом *светлого будущего*. Данный фразеологизм употребляется в годы 1989–1991 в двух основных функциях; это демифологизация советского прошлого и рыночно-перестроечный миф о *несомненно грядущем „светлом будущем”*, о желании власти *записать нас досрочно в „светлое будущее”*; это души *искореженные залежами лжи о „светлых далях коммунизма”*. Естественно, рыночное будущее представляется как триумфальное шествие благоденствия. Понятно, что и на этот раз обещанное, но и ожидаемое, оказалось мифом, о чем мы можем узнать, изучая обильную имплицитную информацию, заключенную в иронических, эмоционально насыщенных номинациях, которыми изобилует дискурс уже начиная с 1992 г. Примеры: *Мы возводим „светлое здание капитализма”*; *общество погоняется к новому светлому будущему; свирепое безответствие в стремлении к „светлому рыночному будущему”*. И резюмирующие для данного контекста мысли: *Состав отправлен. Пункт назначения „светлое будущее”. О настоящем пока следует забыть* („Независимая газета” 25.09.1992). И еще категоричнее: *Быстрым шагом к светлому прошлому! Наши цели ясны! Задачи определены!* („Известия” 14.11.1992).

Бескомпромиссное развенчивание мифа *советского человека* как носителя всевозможных достояний, сопровождается распространением многочисленных инвективных номинаций, создающий миф тотальной порочности обитателей Советского мира.⁸ Лишение этого нимба сопровождается повсеместным обвинением его в люмпенизации, причем, согласно лексикографической информации „люмпены” – это „деклассированный слой (преступники, бродяги, нищие), а также человек, принадлежащий к такому слою”⁹. Однако в перестроечные годы присутствие *люмпенов* и наличие *люмпенизации* отмечается *на всех уровнях общественного сознания* („Московские новости” 1991, № 2).

Сопоставляя эту дефиницию с контекстами применения номинации „люмпен” или „люмпены”, а также производных, мы видим, что появилось

⁸ Подробно на эту тему см.: И. Коженевска-Берчинска, *Образ человека в континууме публицистики*, Ольштын 2001.

⁹ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, Москва 1993.

новое значение –инвектива в адрес т.н. проявлений советскости. Кроме того, объявление иконы советскости слоем люмпенов, по нашему мнению, однозначно созданию нового злокачественного мифа, основанного на манихейском делении на „правильных” и „порочных”. Сказанное подтверждается живучестью мифологизации насильственного осчастливления *через умаление и уничтожение „недостойных”, „грязных” [...], различая „нужных” и „ненужных”, „полезных” и „бесполезных”* („Литературная газета” 30.09.1998). Имеется обильный и динамический набор „бесполезных”, „ненужных”, который возникает в первые перестроечные годы. Примеры таких мифологем: *коммутанты* (повсеместно, начиная с конца 1991 г.), *коммуняки, недобитые коммунисты, разная коммунистическая сволочь* („Megapolis express” 14.06.1993), *преступная клика коммунистической номенклатуры, моральные подонки* [о коммунистах-интеллигентах], *проходимцы от коммунизма* („Известия” 10.03.1994), *сторонники единственно правильного учения* („Литературная газета” 25.02.1998), *враги нации* [евреи и демократы] („Новое время” 11.09.1999), *посткоммунистические варвары* („Литературная газета” 23.01.2002).

Падению мифа о *советском человеке* сопутствует насаждаемый миф о непорочности „героев нашего времени” – о российских демократах, которые изображаются в роли демиургов нового, на этот раз – идеального миропорядка, мифологизированной демократии. Это, как правило, *настоящие демократы, истинные демократы, революционные защитники демократии*. О своевременной мифологизации в этой области говорят повсеместные в умеренной прессе иронические наименования как нового порядка, так и его носителей.

Мозаичность увлечения мифом как всеобъемлющей и всерешающей категорией, имеет к тому же динамический характер, меняясь во времени согласно парадигме: отрицание целиком сталинского прошлого и „реального социализма” – восхваление новой, но трудноопределимой власти – процесс низвержения рыночно-демократического набора мифологем.

Восхвалению непогрешимости новой власти способствуют также мифы, которые рождаются в модифицированной, „модной” словесной оболочке. Здесь сказывается национальная традиция; советские мифологизированные стереотипы используются с целью охарактеризовать „новые” общественно-политические категории. Примеры: мифы о *капиталистическом рае на Земле, о безальтернативности демократического мира, о защите прав человека* (какого именно?),

о демократической справедливости, о вине вездесущих врагов демократии, о демократе особого типа (демшиза). И о них же: изменившие личину и переименовавшие вывеску совки („Независимая газета” 6.09.1995); новые экспроприаторы экспроприаторов („Новый взгляд” 21.01.1995); демоаристократы, которые не имеют ничего общего ни с российской демократией, ни с российской жизнью („Литературная газета” 19.04.1995); перекрасившаяся коммунистическая номенклатура („Литературная газета” 17.09.1996); вселенские временщики [т.е. – бывшие коммунисты] („Известия” 10.10.1997).

В свете вышесказанного неудивительно, что публицистами пишется такая, к примеру, картина: *Наступил новый прилив мифотворчества. Придворным идеологам предстоит печальная работа [...] как-то надо объяснять причины провала* („Независимая газета” 15.12.1993).

В то же время, после первых крупных неудач новой демократической власти, наступает время оживленного мифотворчества. В границах мифологемы „о неправильной перестройке”, превратившейся в катастрофу, господствует предание о Горбачеве как человеке, который первым столкнулся с камнем с горы [...] потому и виноват („Megalopolis Express” 17.04.1993). С целью снять с себя ответственность, власть распространяет мифы об опасности коммунистического реванша и о коммунистической реставрации. Таким образом создается правящий лагерь „виновников” всех социальных бедствий и катаклизмов, а также отсутствия „света в конце тоннеля” для т.н. массового человека.

Анализ демифологизированного, и сразу же мифологизированного пространства в переломное для Россиян время, позволяет выявить несколько генетических особенностей этого поля.

Итак, в советское время, вместе с новоязом – инструментом оглушающей пропаганды, укоренились бесконечные стереотипы в функции упорядочения *Единственно Правильного Учения*. Советский человек жил (многие живут по сей день) вопреки опыту, но и вместо опыта, т.е. – в ауре двоемыслия. Отсюда новые – старые мифы как результат до конца неосознанной преемственности советских мифологем с целью якобы по-новому организовать политическую иконосферу. И еще одна особенность: после отрыва населения от „кормящего советского ландшафта”¹⁰ люди и в новое время живут в ситуации социального диссонанса. Это источник

¹⁰ Термин „кормящий ландшафт” ввел Л. Гумилев в кн.: *Этносфера. История людей и история животных*, Москва 1993, с. 532.

высокой фреквенции моделей: исторический миф, миф-утешение, миф во спасение, разоблачающий миф. Все они выражают извечную категорию человеческих страданий, надежды на лучшую жизнь. „Утечка в миф” есть зеркальное отображение масштаба необустроенности и степени резистентности новой социо-политической системы.

Потребность в мифе вызвана, пожалуй, не только постоянным и сплошным дефицитом в духовной и материальной сферах, но и необычной для бывших советских подданных многоликостью, а также масштабом трансформаций. Жить в химере неудобно, а общество все время лишь учится видеть многообразие явлений, процессов и связей между ними. Это многообразие пополняется, увы, за счет фашистских мифов о *народном спасителе*, об исключительности т.н. *русскости*, о *лицах кавказской национальности* как о первопричине различных бедствий.

По известным причинам, ни одна национальная культура не может прожить без мифов. Однако узоры данной мифологической ткани есть закодированная информация о духовной кондиции данного социума, но и о „бытовых чаяниях” м.н. массового человека. Миф может стать движущей силой, сплачивая этнос для реализации непосильных целей, повышая мотивацию к целенаправленной активности. Известно также разлагающее воздействие мифотворчества, которое имеет место в случаях безудержного насаждения лжи, разжигания ненависти и т.п. Тогда миф становится опасным, вредным, тем более, что подобно утопии, он не приемлет никаких рациональных аргументов, он просто „сам по себе”.

Согласно древним преданиям, где-то в глубокой пещере лежит толстая книга человеческих страданий и жалоб, а заглядывающий в нее – не успокоится вовеки. Можно полагать, что ее бесконечные страницы заполняются, не в последнюю очередь, жалобами обездоленных россиян, кричащими о беспочвенности ожиданий и об извечной скорби батальонов униженных. Не грешат любопытством виновники их стенаний. Продолжается странствование бездомных в мифические края, заселенные иллюзиями. Выстраивается очередная камарилья из „друзей народа”, „народных заступников”. Падают мифы. Да здравствуют мифы!

Действительно, Россия погружена в миф, она живет и развивается в мифе, а проникнуть сквозь залежи иллюзий и лжи невероятно трудно. Судить о современной мифологии и демифологизации имело бы смысл, если бы российский пароход причалил, наконец, к определенному берегу.

Мифологическая деятельность не служит упорядочению действительности, а социо-политические мифы отображают просто хаос, который

публицисты называют: *Переходный Неизвестно к Чему Период* (1993) или *Единственно – Правильное – Нечто* (1994)

Генетическая обреченность российского социо-политического пространства на мифологенность объясняется, пожалуй, историческим прошлым (царско-имперская и советско-имперская традиции), а также избытием потаенного, непредсказуемого в современной действительности.

Исследование публицистического дискурса в аспекте мифа дает также право судить, что россияне (хотя не только они) заражены „прочно осевшим” манихейским восприятием мира, документирующим единомыслием и бессмертным образом врага.

Такое мышление, пожалуй, создает надежнейшую питательную среду для живучести параллельных процессов мифологизации и демифологизации; именно их фрагменты представлены в данной статье.

Streszczenie

Procesy demityzacji i mityzacji we współczesnym rosyjskim dyskursie publicystycznym

Pochodzenie mitu jako gatunku wskazuje na jego nieprzemijający charakter, który wynika nie tylko ze społecznego, ale i politycznego zapotrzebowania. Dlatego i dzisiaj w różnych społecznościach jest on żywą kategorią – przedmiotem zainteresowania także etnolingwistów.

Mity rosyjskie oraz „detronizacja” mitów sowieckich składają się na dwa równoległe i przenikające się procesy. Dla badacza stanowią one materiał, który pozwala określać różnorodność kognitywnych funkcji tego skutecznego narzędzia poznania. Wyraźny nadmiar nowych mitów oraz bezkompromisowa krytyka mitów sowieckich – to świadectwo określonej mentalności, określonej kondycji duchowej społeczeństwa (lata 1989–2002). Ich konstruktem jest właściwe Rosjanom myślenie życzeniowe oraz powszechnie propagowana (także w mediach) bezkompromisowość krytycznych ocen wobec „przeszłości ołtarzy”.

Summary

Processes of demythologization and mythologization in contemporary Russian journalistic discourse

The origin of myth as a genre points to its everlasting nature which results from both public and political demand. That is why also today it is a living category in different communities – an object of interest also for ethno-linguists.

Russian myths and “dethronement” of Soviet myths make up two parallel and interpenetrating processes providing us with material which makes it possible to define the diversity of cognitive functions of this tool of effective cognition.

The distinct excess of new myths and uncompromising criticism of Soviet myths is the evidence of specific mentality, specific frame of mind of the people (years 1989–2002). Their construct is wishful thinking, which is typical for the Russians, and the uncompromising nature of critical assessments of the “altars of the past” generally propagated (also in media).